

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Направление «Лингвистика»

Образовательная программа «Теория и история языка и языки народов Европы»

Профиль «Языки народов стран Балтии»

Сапожинская Ариадна Евгеньевна

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЛИТОВСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

Выпускная квалификационная работа магистра

Научный руководитель:

к. филол. н., доц. Алексей Викторович Андронов

Рецензент:

к. филол. н. Михаил Владимирович Ослон

Санкт-Петербург, 2017

Содержание

I. История вопроса	5
II. Теория вопроса	12
1. Общие теоретические сведения	12
1) Основные характеристики ударения	12
2) Описание литовской акцентологии у П. Гарда [1968/2015]	17
3) Парадигматический и категориальный акцент (работы В. А. Дыбо).....	19
2. Литовская школа морфологической акцентологии.....	26
1) Модель П. Гарда для описания литовской акцентологии в изложении А. Гирдяниса [1985]	26
2) Описание литовской акцентологии у Б. Стунджи [Stundžia 1995].....	29
3) Описание литовского ударения в [Stundžia 2014].....	41
4) Выводы	42
III. Предлагаемая модификация теории.....	43
Заключение	47
Литература	49

Введение

Акцентологическая проблематика связана с вопросами фонологии и морфологии. **Объектом** рассмотрения в данной работе является система ударения современного литовского литературного языка, рассматриваемая с точки зрения морфологической акцентологии, и теоретические подходы к её описанию.

Целью исследования является составление по возможности полной теоретической модели описания акцентных свойств морфем литовского языка, включающей систему понятий, номенклатуру акцентных свойств морфологических единиц и правила их взаимодействия. Для достижения цели предполагается решить следующие **задачи**: рассмотреть предысторию научного описания литовского ударения; проследить развитие морфологической акцентологии на литовском материале в трудах П. Гарда и литовской акцентологической школы (А. Гирдянис, Б. Стунджа, А. Пакарис) и сопоставить точки зрения исследователей; произвести необходимые дополнения в теории. Источником **материала** служит монография [Stundžia 1995].

Полноценная модель описания должна привести материал литовского языка в стандартный вид, что дало бы возможность сопоставлять эти данные с данными других языков или, например, соотносить литовскую акцентуацию с общей теорией генезиса морфонологизованных акцентных систем (ср. [Дыбо 2000]); это определяет **актуальность** исследования. Кроме того, вопросам теории акцентологических описаний в литературе уделяется недостаточно внимания: работы исследователей в основном концентрируются на проблематике реконструкции и истории ударения в различных языках. Балто-славянские языки, и в частности литовский, предоставляют богатый материал для развития общей теории и детализации конкретных решений. Соответственно и балто-славянская акцентология

представляет собой лидирующее направление акцентологических исследований, поэтому единство подхода в этой области особенно важно.

Структура работы: работа состоит из введения, трёх глав и заключения. В первой главе рассматривается история развития акцентологии — как общей (тяготеющей к сравнительно-исторической проблематике), так и частной литовской. Вторая глава посвящена разбору и сопоставлению различных современных теоретических подходов к описанию свободного ударения: анализируются работы П. Гарда и основывающейся на них литовской акцентологической школы, выявляются отличия между этими подходами; для типологического фона рассматривается теория генезиса парадигматических акцентных систем В. А. Дыбо. В третьей главе предлагаются дополнения к модели описания литовского ударения.

I. История вопроса

В европейской лингвистической традиции интерес к описанию ударения восходит к античности. Внимание древних греков обращали на себя слова, различающиеся лишь по месту и виду ударения; пифагорейцы изучали его в связи с теорией музыки («фонетика, метрика, ритмика, музыка <...> составляли единый научный и педагогический комплекс» вплоть до Аристотеля включительно) [Тронский 1962: 9]. Акцентуировать греческие тексты начали в Александрии, придумав для этого диакритические знаки, — изначально для «своего рода помощи учащимся» в прочтении спорных с точки зрения ударения случаев; создавались и специальные сочинения, посвящённые акцентологии [там же: 10–11]. Древнерусские азбуковники описывали ударение тоже для предостережения от ошибок, а «просодия» в грамматиках церковнославянского (позднее и русского) языка, начавших распространяться в XV–XVI веке, была одним из четырёх традиционных разделов наряду с орфографией, этимологией и синтаксисом [Березин 1979: 6–8]. Под влиянием античной традиции Мелетием Смотрицким в XVII веке в описание церковнославянского языка были введены надстрочные знаки (ударение, придыхание и др.) и правила их постановки [там же: 9–10]. Знаки ударения (акут и гравис) и формальные правила их употребления (акут в середине слова и гравис в конце) попали и в грамматики русского языка и использовались в них ещё в XIX веке [Гордина 2006: 197].

В литовскую традицию знаки интонаций (которые различаются и обозначаются сейчас только на ударном слоге) также перешли из античной. М. Строекис отмечает, что часто говорится о том, что в литовской традиции диакритику для обозначения интонаций ввёл Ф. Куршайтис, иногда же упоминается Д. Клейн (автор первой грамматики литовского языка, изданной в 1653 году). Однако на самом деле, как выясняет автор, Д. Клейн опирался на более раннюю традицию, идущую ещё от второй части песенника

М. Мажвидаса (1570 год; очевидно, имеется в виду сборник «Песни христианские») [Strockis 2007: 85]. Впервые, по мнению М. Строккиса, «совершенно точно» литовские интонации были обозначены в грамматике *Universitas Lingvarum Litvaniae* (1737 г.) [там же: 106].

В. Б. Касевич [1990] отмечает, что в отечественной традиции ударение как самостоятельный объект описания выделил А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» 1831 года (он же ввёл термин «подвижное ударение» [Потебня 1973: 17])¹. В формулировке самого А. Х. Востокова это звучало так: «Слогоударение есть часть Грамматики, показывающая, на котором слоге должно быть повышение голоса или ударения» [Востоков 1831: 373]. Учёный считал, что ударение в русском языке почти не подчиняется никаким правилам (или, по крайней мере, они ещё не сформулированы) и должно запоминаться (его изложение материала, соответственно, чисто описательное): «Который же именно слог должно произносить с ударением, сему научаемся из употребления и из словаря, потому что не приискано еще на то определенных правил. Можно только заметить, что при перемене окончаний ударение переносится нередко с одного слога на другой, как показано уже отчасти в склонениях и спряжениях» [там же: 377]. Как пишет Н. А. Федянина, «А. Х. Востоков поставил цель найти правила ударения, но не взял на себя решения этой задачи» [Федянина 2014: 135]. Впрочем, перечни слов, данные А. Х. Востоковым, а также Я. Гротом, высоко оцениваются исследователями ввиду их полноты (даже исчерпываемости) и точности [Редькин 1966: 19].

¹ См., однако, прохладную характеристику фонетической составляющей этой работы в книге М. В. Гординой (впрочем, не упоминающую здесь ударения): «...интересы Востокова были далеки от изучения живых языков, и его «Грамматика» не содержит фонетических описаний <...> предложены самые элементарные и не всегда верные традиционные краткие определения некоторых терминов. Востоков излагает сведения не о звуках русского языка, а об используемых для их записи буквах» [Гордина 2006: 343].

Морфологические критерии описания ударения в русском языке, как отмечает В. Б. Касевич [1990], ввёл А. А. Потебня во второй половине XIX века; в предисловии к его незаконченной работе «Ударение», написанной приблизительно в период между 1864 и 1880 годом [Потебня 1973: 8], В. Ю. Франчук называет её «первой в отечественном и славянском языкознании монографией, посвящённой вопросам акцентологии» [там же: 3]. Интерес А. А. Потебни к ударению носит сравнительно-исторический характер: учёный хотел бы описать «систему русских ударений», включающую не только «русский язык и великорусские говоры» и не только синхронный анализ, сравнить эту систему с другими славянскими и индоевропейскими [там же: 21–23]. Это отвечает контексту эпохи, ведь понятие морфологической акцентологии, по-видимому, появляется в рамках именно сравнительно-исторического языкознания: «свободным или грамматическим» (что подчёркивает внешнюю свободу, обладающую внутренней обусловленностью) ударение называет Ф. Бопп ([Bopp 1854: V], цит. по [Гард 1968/2015: 32]) в своей работе, заложившей основы сравнительно-исторического изучения ударения; в этой же работе содержатся и сведения о литовском ударении, которое, по мысли Ф. Боппа, наряду с «первичным славянским» имеет общие черты с санскритским и древнегреческим [Потебня 1973: 8–9]. Позднее, но всё ещё в XIX веке, данные литовского языка появились в сравнительно-исторических трудах других учёных: Ф. Ф. Фортунатова, А. Лескина, А. Беценбергера и, наконец, Ф. де Соссюра, что позволяет В. А. Дыбо сказать: «Литовский язык вступил в область индоевропейской акцентологической компаративистики раньше, чем возникла балтийская сравнительно-историческая акцентология» [Дыбо 2005: 190]. Как известно, литовский язык вообще попал в поле зрения широкого круга специалистов в связи со сравнительно-историческим языкознанием (начиная с работ А. Шлейхера; кстати, в его «Грамматике литовского языка» (1856) тоже содержится акцентологическая информация — правда, А. Шлейхер исходит из того, что в литовском языке только на дифтонгах

могут различаться интонации [Petit 2012: 12]). Литовская акцентология в этом ключе активно развивалась индоевропейцами, и до сих пор большая часть работ в этой области связана именно с индоевропейстикой и реконструкцией акцентной системы. Широко известны (но, как отмечают некоторые исследователи, на протяжении долгого времени, а то и до сих пор не осмыслены до конца [Petit 2012: 11; Дыбо 1977: 586]) в области литовской акцентологии две статьи Ф. де Соссюра [1894/1977; 1896/1977] (у Д. Пети содержатся также указание на некие новонайденные тексты де Соссюра, позволяющие глубже понять его акцентологические воззрения (ссылки см. в [Petit 2012: 11]).

Вообще же в области индоевропейстики балтийская (в первую очередь, литовская) акцентология сыграла большую роль: дополнив сведения о древнегреческой и древнеиндийской акцентных системах, она позволила реконструировать слоговые интонации праиндоевропейского языка [Герценберг 1981: 13–14]. Как отмечает Л. Г. Герценберг [1981: 14], Ф. Куршайтис в своей грамматике литовского языка ([Kurschat 1876: 67–68]; см. также литовское издание грамматики [Kuršaitis 1876/2013: 98]) обратил внимание на сходство между литовскими и древнегреческими слоговыми интонациями, а также на их следы в древнеиндийском. Важной также стала более ранняя работа Ф. Куршайтиса, целиком посвящённая литовской фонологии [Kurschat 1849] (перевод на литовский — [Kuršaitis 1849/2013]). Немного позже Ф. Куршайтиса собственную модель описания литовской акцентологии предложил А. Баранаускас, и, например, Ф. де Соссюр опирался в своей статье 1894 года именно на это описание [Petit 2012: 12] (будучи знакомым и с трудами Ф. Куршайтиса, «импонируя им», но не оказывая предпочтения [Stundžia 2013a: 20]). А. Баранаускас считал, что реконструироваться для литовского языка должна система трёх долгот: гласные по А. Баранаускасу могли быть краткими (одноморными), полудолгими (двуморными) и долгими (трёхморными) [Petit 2012: там же]. Опираясь на эти труды, проблематику разрабатывали многие

индоевропеисты: А. Беценбергер (обосновавший с этимологической точки зрения соответствия интонаций на конце слова в греческом и литовском), Ф. Ф. Фортунатов (см. о его работах по балтийской акцентологии, в том числе неизданных, [Андронов 2015]), Г. Хирт (исследовавший соответствия литовских слов с акутом и древнеиндийских с долготой и двухморностью) и др., занимавшиеся реконструкцией акута и циркумфлекса на праязыковом уровне или искавших их следы в других индоевропейских языках [Герценберг 1981: 14–16]. Дальнейшие исследования соответствий между латышскими и литовскими интонациями, исследования диалектов, в которых представлены различные акцентные системы, орфографии древнепрусских памятников, возможно, указывающих на акцентные различия, также продвигали вперёд не только балтистику, но и индоевропеистику [там же: 17]. В последующем в развитие акцентологии вносили вклад такие известные учёные как А. А. Шахматов, Я. Эндзелин, Л. Ельмслев, Е. Курилович, Х. Станг и др. Подробнее об этом, а также вообще об истории акцентологии, см. исторические обзоры в работах [Rinkevičius 2009: 7–12] (на прусском материале), [Rinkevičius 2015: 22–23, 56–61, 66–67; Stundžia 1995: 1–4; Zinkevičius 1980: 25–34; Дыбо 2005], [Stundžia 2014: 28–31] об акцентуированных памятниках на литовском языке, а также отдельные фрагменты в истории исследования литовского языка А. Сабалиускаса (напр., [Sabaliauskas 1979: 15–17, 19–20, 66, 74–75, 85, 89, 103, 122] и т. д.).

Термин «морфологическая акцентология», как указывает В. Ринкявичюс, впервые употребил В. М. Иллич-Свитыч в своей статье 1967 года, отмечая в качестве достижения работ по акцентологии последних десятилетий «переход от доминировавшего до тех пор „фонетического“ к принципиально другому, „морфологическому“ взгляду на акцентологию» [Rinkevičius 2010: 10]. В. М. Иллич-Свитыч принадлежал к т. н. Московской акцентологической школе, виднейшим представителем которой является В. А. Дыбо. Помимо прочих достижений этого учёного, говоря о балтийском и славянском материале, нужно отметить, что на его основе учёный

продемонстрировал наличие в балто-славянском языке морфем двух акцентных типов — сильных и слабых, а также сформулировал для него контурное правило [Герценберг 1981: 19–20, см. там же ссылки на литературу]. Интересно, как В. А. Дыбо комментирует взгляды Ф. де Соссюра и материал литовского языка, когда отмечает, что используемая и развиваемая им система описания балтийского, славянского и балто-славянского ударения берёт свои корни не только в генеративной морфонологии, но и намного раньше: «Связь акцентных типов с акцентуационным (морфонологическим) классом морфем, например, в литовском столь прозрачна <...>, что ее заметил еще Ф. де Соссюр. Соответствующее место в его статье „Литовская акцентуация“ настолько близко к тому, чтобы считаться программным для современной сравнительно-исторической акцентологии, что заслуживает специального рассмотрения <...>» [Дыбо 1989: 242]. Помимо этого источником развития морфологической акцентологии в литуанистике стоит считать программную статью [Vūga 1924], дающую подробное описание интонаций и ударения в литовском языке с учётом разнообразия диалектных данных, которое может довольно легко быть трансформированным в систему терминов морфологической акцентологии. Примером своего рода синтеза достижений Московской акцентологической школы и традиций литовской акцентологии является диссертация В. Ринкявичюса об ударении в прусском языке [Rinkevičius 2009].

Не использует сочетания «морфологическая акцентология», но, несомненно, принадлежит этому направлению П. Гард [Гард 1968/2015], анализирующий в своей работе «Ударение» в том числе и литовский материал. Доступной более широкому кругу литовских и русских исследователей модель П. Гарда стала после перевода раздела, посвящённого литовскому языку, сделанного А. Гирдянисом (с указанием частных недостатков в изложении П. Гарда) [Girdenis 1971]. Этих учёных в качестве своих непосредственных предшественников называет Б. Стунджа, автор

главной на данный момент работы в области синхронной морфологической акцентологии [Stundžia 1995] (в несколько изменённом виде теория автора представлена также в учебнике [Stundžia 2014], подробнее о различиях см. раздел II.2.3).

II. Теория вопроса

1. Общие теоретические сведения

1) Основные характеристики ударения

Ударение традиционно относят к просодическим явлениям, так же как тон и интонацию, подразумевая, что они относятся к «единицам, бóльшим, чем фонема» [Зиндер 1979: 257, сноска 1] (см. также, напр.: [Трубецкой 1939/2000: 211–213; Касевич 2011: 51; Кодзасов, Кривнова 2001: 27]. Отличие просодических элементов от сегментных при этом заключается в том, что первые организуют вторые в более крупные единства (кроме того, просодические явления служат «для различения языковых знаков»). Согласно В. Б. Касевичу, «сущность ударения состоит в выделении каким-либо фонетическим способом одного из слогов многосложного слова» [Касевич 2011: 51]. Способы выделить ударный слог могут быть различными; П. Гард называет их акцентными средствами и делит на положительные и отрицательные (наличие последних не обязательно и не повсеместно, но распространено). Положительные акцентные средства «добавляют ударному слогу некоторый признак»: этот слог может произноситься более интенсивно, быть более высоким и/или протяжённым. Отрицательные акцентные средства, напротив, «отнимают признак у безударных слогов»: в безударных слогах наблюдается редукция или нейтрализация определённых оппозиций [Гард 1968/2015: 57, 63].

К просодическим явлениям ударение причисляют не все исследователи: «Просодические признаки определяются на основании их фонетических проявлений, а ударение — по функции, которая является контрастивной. Контраст, создаваемый ударением, может реализовываться как при помощи просодических, так и при помощи ингерентных признаков. Однако только просодические признаки используются в качестве

положительных акцентных средств, чем и обусловлена тесная связь между ударением и просодикой в большинстве языковых систем» [Гард 1968/2015: 58]. Автор не использует термин «супрасегментный» (не равный термину «просодический», хотя их часто используют как синонимы — напр., в цитируемых выше работах), однако, по-видимому, ударение в его изложении может быть названо супрасегментным явлением, поскольку оно относится к фонологическому слову. См. у А. В. Андронova: «Настаивая на принципиальной важности различения отношений оппозиции (в парадигматике) и контраста (в синтагматике), П. Гард соответственно различает два типа признаков сегментных фонологических единиц: оппозитивные (традиционно, «дифференциальные») и контрастивные (в частности, акцентные, шире — супрасегментные)» [Андронов 2016: 259].

Функциями ударения являются [Зиндер 1979: 258–260]:

- кульминативная функция: ударение участвует в «формировании общего фонетического облика слова»; положение по отношению к месту ударения определяет некоторые свойства компонентов безударных слогов (напр., степень редукции безударных гласных и набор возможных фонем в русском языке);
- конститутивная функция: ударение «является обязательным элементом звукового облика слова», перенос ударения «разрушает» его или, по крайней мере, затрудняет восприятие;
- словоразличительная функция (в языках со свободным ударением): ударение служит для различения квазиомонимов типа *ру́ки* и *рукí*;
- делимитативная функция (в языках с фиксированным ударением): ударение разграничивает слова в речи.

Конечно, мнения учёных по поводу функций ударения разнятся — напр., цитируемый здесь Л. Р. Зиндер, хотя и отмечает делимитативную функцию ударения как традиционно выделяемую, но называет её мнимой и

сам не считает необходимым вводить её в описание. Автор пишет: «В языках, в которых ударение всегда падает на первый или на последний слог слова, можно по месту ударения судить о том, какой слог перед нами — начальный или конечный. Однако этого недостаточно для того, чтобы узнать точную границу, отделяющую данное слово от предшествующего или последующего. Так, если взять, например, словосочетание *küsiivad asesõnad* ‘вопросительные местоимения’ эстонского языка, которому свойственно ударение на первом слоге, то ударение на *a* во втором слове не говорит ничего о том, относится ли предшествующий согласный к первому слову или второму» [Зиндер 1979: 249–250; также см. 261]. Здесь, однако, нужно учесть разницу между фонетическими и грамматическими словами. Ср. у В. Б. Касевича: фонетическое слово может «совпадать со словом, определенным в соответствии с грамматическими критериями и интуицией носителей языка», но так бывает не всегда. Фонетическое слово — «особая единица, лишь косвенно соотносящаяся с „настоящим“ словом», ср., напр., *у них бы* [Касевич 2011: 63]. То есть ударение разграничивает именно фонетические слова, которые могут совпадать или не совпадать с грамматическими. При этом границы фонетических слов совпадают со слоговыми границами и не обязательно — со словесными. См. также о различительной функции ударения у П. Гарда: учёный, исходя из своего противопоставления оппозиции и контраста, также критикует выделение такой функции, считая его оправданным, только если мы исходим из допущения, что границы слова не известны. Если они известны, то «ударение не выполняет различительной функции ни в языках со свободным ударением, ни в языках с ударением фиксированным» — напр., рус. *пáраграф* и *Порá, граф!* различаются не только количеством ударения, но и интонацией, из-за которой во втором случае ударение на *граф* часто ослабляется. «Если границы слова неизвестны, то ударение, в принципе, может, хотя и весьма несовершенно, выполнять эту функцию» в языках с ударением и свободного, и фиксированного типа [Гард 1968/2015: 20–21]. Конечно, П. Гард признаёт

существование в языках со свободным ударением квазиомонимов типа *му́ка* и *мука́*, однако, следуя здесь за А. Мартине, обращает внимание на то, что таких пар примеров обычно бывает очень мало, и к тому же они часто даже не могут выступать в одинаковых контекстах, поэтому странно считать различие квазиомонимов основной функцией ударения (как это делали, например, фонологи Пражской школы) [там же: 112–113].

Возвращаясь к приведённому выше списку функций ударения, можно заметить, что они могут быть организованы иерархически: словоразличительная и делимитативная функция зависят от типа ударения (и выделяются в каком-то смысле автоматически по отношению к нему), а кульминативная и конститутивная объединяются как придающие формальный признак слову. Именно по отношению к слову ударение рассматривает П. Гард: по его мнению, отношения между ударным и безударными слогами в слове являются отношениями контраста: «...в границах предварительно выделенного сегмента, более или менее соответствующего „слову“» один из слогов является ударным, что предполагает, что все остальные слоги безударны [Гард 1968/2015: 21]. Таким образом, ударение реализуется не парадигматически: «...ударение никогда не противопоставляется его отсутствию в данной точке высказывания», как это происходит, например, с назальностью, наличие которой может противопоставляться отсутствию. «Сегменты, внутри которых создаётся контраст» П. Гард называет акцентными единствами; контрастирующие между собой элементы — акцентными единицами [Гард 1968/2015: 23, 25].

Ударение в литовском языке — свободное, подвижное, политоническое: на долгих ударных слогах различаются восходящий и нисходящий тоны. В качестве фонетической реализации ударения называется бо́льшая его высота, громкость и иногда длительность [Ambrazas 2006: 53–58]. В данной работе литовское ударение будет рассматриваться в связи с морфологическими элементами словоформы.

Для обсуждения вопроса о языках со свободным ударением обратимся к главе «Место ударения» в монографии П. Гарда [1968/2015: 102–153]. Разницу между традиционно разделяемыми языками с фиксированным и свободным ударением учёный описывает, обращаясь к «частным грамматическим данным»: с их помощью место определяется в языках со свободным ударением; напротив, в языках с фиксированным ударением к этой информации обращаться нет необходимости, поскольку место ударения задаётся «чисто механическим правилом» [там же: 103] о том, на какой слог по счёту оно ставится (напр., в чешском его всегда получает первый слог акцентного единства), иногда сопровождаемым дополнительной фонологической информацией (напр., в латыни — информацией о фонемном составе предпоследнего слога: если он «долгий по природе», т. е. содержит долгий гласный, или «долгий по положению», т. е. заканчивается на согласный, то ударение оказывается на нём, если нет — на третьем слоге от конца слова) [там же: 102–104]. «Грамматическими данными», как правило, оказываются акцентные свойства морфем конкретного языка — «способность влиять на место ударения или отсутствие таковой». Морфемы, обладающие такой способностью, П. Гард называет «сильными», не обладающие — «слабыми» [там же: 113–114]. Нужно отметить, что сильные морфемы — не обязательно те, которые в конечном итоге оказываются ударными. Сильные морфемы «оказывают влияние» на место ударения — например, могут притягивать его на слог перед собой. Для русского языка П. Гард выделяет среди сильных автоакцентные морфемы (притягивают ударение на один из собственных слогов: ср. *медвѣдь*, *медвѣд-иц-а* (сильный корень) vs. *волч-иц-а* (слабый корень)), преакцентные (притягивают ударение на слог, который им предшествует, напр., суффикс *-к-*: *голов-á*, но *голóв-к-а*) и постакцентные морфемы (притягивают ударение за слог, следующий за такой морфемой, если он есть, или последний слог самой морфемы, если последующего слога нет, напр., суффикс *-ун-*: *болт-у́н*, *болт-ун-ы́*) [там же: 127–128]. При наличии в слове нескольких сильных морфем между ними

возникает конфликт, решаемый в языках по-разному: напр., в славянских языках в таком случае ударение получает первая из сильных морфем, в романских — последняя [там же: 125]. Правило, описывающее взаимодействие равных по акцентной силе морфем в пределах слова, называют контурным.

Помимо акцентной силы и места ударения в качестве свойства морфем русского языка П. Гард выделяет доминантность — «способность морфемы реализовывать свои акцентные свойства, как если бы она была единственной в слове, вне зависимости от свойств других морфем» [там же: 129]. Таким образом, в слове с доминантной морфемой акцентные свойства других морфем игнорируются. Доминантные морфемы в русском языке тоже могут быть автоакцентными, преакцентными и постацентными, а также слабыми (делающими слабыми все остальные морфемы слова, как, напр., суффикс *-ень* в словах типа *у'-вал-ень*, *при́х-вост-ень* и т. д.). Интересно, что в случае конфликта нескольких доминантных морфем в слове свои акцентные свойства реализует последняя из них, а не первая, как это происходит с сильными и слабыми (т. е. недоминантными) морфемами. Однако, как отмечает П. Гард, это происходит только в соответствующих латинских и романских заимствованиях (морфемы заимствуются вместе со своими акцентными свойствами), напр., *аспира́нт*, *аспиранту́ра* [там же: 129–131].

2) Описание литовской акцентологии у П. Гарда [1968/2015]

Литовской акцентуации в книге П. Гарда посвящён специальный раздел [Гард 1968/2015: 173–181]. Принадлежит он, однако, главе «Акцентная единица и слог», и обсуждается там не только ударение, интересующее нас в данном случае, но и другие «проблемы, связанные с просодической системой литовского языка»: количественные противопоставления монофтонгов и дифтонгов, тоны как свойства отдельных морфем [там же: 173–175]. Ударение комментируется в его связи с интонациями; часть подраздела посвящена полемике с Л. Ельмслевым по

поводу статуса ударения и интонаций [там же: 176–178]. Кратко обсуждаются сильные, слабые и аттрактивные морфемы [там же: 178–181]. Для более подробного описания литовской акцентологии «по П. Гарду» необходимо сопоставить этот раздел с разделом о русском языке, в котором обсуждаются акцентные свойства морфем [там же: 126–142] (см. изложение выше, в разделе П.1.1)) и «наложить» эту информацию на литовский материал; в дальнейшем мы будем опираться именно на этот синтез. Как будет показано ниже, из трёх акцентных свойств, вводимых П. Гардом для русского языка (акцентная сила, место акцентуации, акцентная доминантность) для описания литовского одно (место акцентуации) не понадобится (см. раздел П.2.2)b) — соответственно, понятия пре- и постакцентности (как для сильных/слабых, так и для доминантных/недоминантных морфем) тоже. Дело в том, что, очевидно, акцентная система литовского языка проще и прозрачнее, чем система русского, — можно сказать, она ближе к некой идеальной парадигматической акцентной системе (см. об этом понятии раздел П.1.2)), исторически претерпевшей не много «сбоев», из-за которых понятийный аппарат описания должен быть усложнён. В литовском литературном языке «сбоем», фактически, является один лишь закон Ф. де Соссюра, вследствие которого возникли аттрактивные морфемы (хотя, конечно, образование доминантных морфем тоже является отступлением от парадигматического принципа построения акцентных систем). В русском языке их, видимо, было намного больше, что породило новые категории пре- и постакцентности, способные в том числе конфликтовать в рамках одного слова (как в [Гард 1968/2015: 128]). В целом «сбои» приводят к тому, что приходится вводить сложные процедуры определения места ударения и разветвлённую систему маркировок (для современного русского языка см. [Зализняк 1985: 8–112]).

Для описания литовской акцентологии из теории П. Гарда кажется необходимым заимствовать понятие акцентной силы и акцентной

доминантности; см. ниже об их использовании в трудах литовских акцентологов, теорию П. Гарда модифицирующих.

3) Парадигматический и категориальный акцент

(работы В. А. Дыбо)

С точки зрения вероятного генезиса и исторического развития различные языковые системы, обладающие свободным ударением, рассматривает В. А. Дыбо. Учёный утверждает, что свободное ударение возникает из фиксированного: это наблюдается для языков, развитие которых отражено в доступных нам материалах, а также языков, по поводу ударения в которых «могут быть построены достаточно убедительные сравнительно-исторические гипотезы» [Дыбо 2000: 5–6]. Изначально ударение определяется по счёту слогов, оно закреплено за, например, первым или последним из них, — это В. А. Дыбо называет основным способом фиксации ударения. В ходе исторического развития этот основной способ подвергается «деформации»: появляется некий новый фактор, влияющий на место ударения. Это может быть количество слога, его структура (открытый он или закрытый), качество гласного в слоге, просодическая характеристика слога. Постепенно фонологическое противопоставление исчезает, а за тем местом, где оно было, закрепляется ударение [там же]. По мнению В. А. Дыбо, в балто-славянском праязыке фонологизовались акцентные контуры, которые были связаны с тонами, пока те существовали: ударение получал первый слог с высоким тоном или же, в отсутствие высокотоновых слогов, ударение получал первый слог слова [там же: 6–7]. Эта закономерность очень похожа на современное контурное правило в литовском: ударение получает первая сильная морфема в слове, а если сильных морфем нет — просто первая по счёту. Сходство это, однако, только внешнее — в литовском действуют уже морфологические характеристики (акцентные свойства морфем), а не фонологические.

Сходной с балто-славянской системой В. А. Дыбо считает абхазо-убыхскую, однако в ней ударение получала последняя, а не первая, высокотоновая морфема в первой их последовательности или же, в отсутствие высокотоновых морфем, последняя морфема слова [там же].

Морфонологизация места ударения может привести к развитию двух типов «акцента»: «парадигматического» (акцентные типы распределены лексически, место ударения закреплено в большей части случаев за корнем) и «категориального» (акцентные типы распределены «по морфологическим формам и категориям») [там же]. К системам с «парадигматическим акцентом» В. А. Дыбо относит системы русского и литовского языков (отмечая, однако, что они с «разной степенью продвинутости» приближаются к «категориальному акценту» путём закрепления определённых акцентных парадигм за определёнными лексическими категориями и словообразовательными типами) [там же: 8–9].

П. Гард указывает, что в его теории словам с «парадигматическим акцентом» соответствуют слова с недоминантными суффиксами (то есть «обычными» сильными и слабыми), словам с «парадигматическим акцентом» — производные с доминантным суффиксом, обладающие из-за него одинаковым местом ударения [Гард 1968/2015: 129, сноска 1]. О соответствии друг другу терминов в различных работах по акцентологии см. подробный обзор [Rinkevičius 2010], где, в частности, обращается внимание на совершенно различное использования понятия «доминантность», «доминантная морфема» у, с одной стороны, В. А. Дыбо, и с другой — П. Гарда (а также А. А. Зализняка в его исследованиях по русской и славянской акцентологии). Доминантные или доминирующие морфемы у В. А. Дыбо соответствуют сильным у П. Гарда (плюсовым у А. А. Зализняка), рецессивные — слабым. То, что П. Гард и А. А. Зализняк понимают под доминантностью, «более-менее» соответствует «категориальному акценту» у В. А. Дыбо [Rinkevičius 2010: 16]. В данной работе терминологически мы будем следовать за П. Гардом и традиционным описанием литовской

акцентологии. Работы же В. А. Дыбо здесь используются как источники более широкой типологической информации о «парадигматических акцентных системах» (ПАС) и этапах их развития. Интересно, что, по словам автора, «языков, акцентная система которых покрывалась бы полностью двумя принципами² организации парадигматического акцента, до сих пор не обнаружено» [Дыбо 2011: 68], то есть «категориальный акцент» (\approx доминантные морфемы) в той или иной мере всё же присутствует всегда. Вообще же отклонения могут быть как следствием распада системы, так и реликтами более раннего состояния [Дыбо 2000: 734]. Праславянский язык В. А. Дыбо считает «полностью сохраняющим свою ПАС»³ (как и абхазский, подробно рассмотренный в [Дыбо 2000]), литовский — языком, ПАС в котором подверглась значительной перестройке в XVI веке, прусский — языком, «сохраняющим значительные следы ПАС», латышский — языком, находящемся в состоянии, предшествующем возникновению ПАС⁴ [Дыбо 2011: 68]. Можно предположить, что, чем дальше язык от некоего идеального варианта ПАС, тем больше в нём каких-то «сбоев», требующих отдельного описания. Оценку прусского подтверждает его описание в диссертации [Rinkevičius 2009], где установлен набор сильных и слабых морфем, а понятие доминантности по отношению к конкретным морфемам

² То есть «1. В корпусе непроезводных основ выбор а.п. для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а является присущим ему традиционно. 2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется а.п. производящих (обычно с поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2011: 68] (в [Дыбо 2000: 10] вместо акцентной парадигмы говорится об акцентном типе).

³ Как замечает В. Ринкявичюс, пра(балто)славянский язык, реконструируемый В. А. Дыбо, — это «идеальный теоретический конструкт», возможно, в таком своём идеальном виде и не существовавший [Rinkevičius 2009: 57].

⁴ Интересно, что с исторической точки зрения латышский язык одновременно представляет состояние после распада ПАС.

используется очень мало (указывается, например, что данных прусского недостаточно, чтобы установить, были ли в нём доминантны какие-либо глагольные суффиксы; несколько из них предлагается считать доминантными «с оговорками» [там же: 215–216]). В раннедревнерусском языке, согласно описанию А. А. Зализняка, доминантных морфем нет [Зализняк 1985: 121–122]. Абхазский язык, судя по всему, тоже больше похож на «канонический» язык с ПАС, чем литовский.

Как этого и следовало бы ожидать, в описаниях языков с похожей на литовскую акцентологической системой встречаются явления и проблемы, имеющие ценность и интерес для теории акцентологии вообще. Например, обращает на себя внимание частное замечание А. А. Зализняка в описании древнерусского ударения [Зализняк 2014: 10]: «Имеется, однако, следующее важное ограничение: уже в раннедревнерусском фонологическое ударение не могло падать на слог, содержащий слабый редуцированный (а в позднедревнерусском такой слог в нормальном случае уже просто отсутствовал). Если в силу какого-либо общего правила ударение в раннедревнерусском должно было бы попасть на слабый редуцированный, оно реально падало на предшествующий слог». Это отражение тенденции морфологизации фонологических различий: фонологический признак (редуцированность или нередуцированность гласного) устанавливает правило, по которому ударение переходит или не переходит на предшествующий гласный. Аналогом этой закономерности в литовском языке служит закон де Соссюра, согласно которому в ударение переходило с неаккутированного слога на последующий, если тот был акутированным, то есть тоновое различие в конечном счёте стало причиной наличия ударения на той или иной морфеме.

Теоретическую важность описания абхазской акцентологии В. А. Дыбо подчёркивает тем, что благодаря ему можно «убедиться в существовании живых (не реконструированных) парадигматических акцентных систем, в которых установленные принципы порождения акцентных типов работают

на всем корпусе языка» [Дыбо 2000: 733]. Некоторые примеры, однако, заставляют задуматься о том, что абхазская ПАС всё же не является совсем «чистой». Наводят на размышления по крайней мере два описанных случая: форма множественного числа существительных III акцентного типа и тип словосложения, дающий тот же акцентный тип (словосложение — продуктивная словообразовательная модель в абхазском [там же: 668]). Акцентуация в обоих случаях не соответствует введённому контурному правилу, согласно которому ударение получает последняя «доминантная» (= сильная) морфема в первой последовательности таких морфем [там же: 663]). Ср. (примеры [там же: 660] приводятся в модифицированной записи⁵, акцентные свойства морфем выводятся из сопоставления):

	чл. ф.	еднч. ф.	мн. ч.	перевод
тип I	<i>A-LÁ</i>	<i>LÁ-k</i>	<i>A-LA-K°Á</i>	‘собака’
тип II	<i>Á-bla</i>	<i>bla-ká</i>	<i>Á-bla-K°A</i>	‘глаз’
тип III	<i>A-PSÉZ</i>	<i>PSÉZ-k</i>	<i>A-PSÉZ-K°A</i>	‘рыба’

Выделенный пример (форма множественного числа от слова ‘рыба’) демонстрирует нарушение контурного правила, согласно которому ударение, поскольку все морфемы здесь сильные, должно было бы быть на последнем слоге. На основании несколько запутанного изложения автором того, что в

⁵ В данной работе вслед за литуанистической традицией принята следующая система записи примеров: слабые морфемы даются строчными буквами, сильные — заглавными; в литовских примерах для имён указывается номер акцентной парадигмы; даётся форма числа и падежа / лица и времени, если это не *nom.sg* / инфинитив глагола. Напр.: *vaik-as* (4) ‘ребенок’, *vaik-Ū* (4) ‘ребёнок (Gen.Pl)’; *eĩ-ti* ‘идти’, *eĩ-si-me* ‘идти (Fut.1.Pl)’. Исключения составляют случаи цитирования работ, авторы которых представляют акцентные характеристики морфем того или иного слова иначе, чем автор данной работы; в таких случаях примеры приводятся в том же виде, что и в оригинале. Традиционная запись суффиксов в работах по литуанистике включает также запись окончания, напр., суффикс *-ing-* записывается как *-ingas*. В данной работе подобная запись по возможности не используется, суффиксы приводятся без окончаний.

подобных словах корень содержал выпавший впоследствии *-ə* [там же], можно предположить, что этот *-ə* сам являлся слабой морфемой или же принадлежал к слабой морфеме, поэтому ударение закономерно попадало на корень по контурному правилу, ведь он был последним в первом ряду сильных морфем. После выпадения *-ə* сложилась ситуация, которую можно было бы сравнить с фонологическим понятием открытых стыков: они встречаются только на морфологической границе и «имеют место в таких позициях, в которых смежные фонемы произносятся так, словно они не находятся рядом» [Гирдянис 1995/2014: 42–43]. В литуанистике открытым стыком принято объяснять акцентуацию формы 1.Sg.Fut от глагола *eĩ-ti* ‘идти’ — *eĩ-si-u*, хотя по правилу должно быть [#]*ei-si-ũ*⁶ (ср. тот же глагол, но в форме 1SG.PRAES: *ei-n-ũ*⁷) (А. В. Андронов, л. с.).

⁶ Форма с закономерным ударением на последнем слоге в форме первого и второго лица глагола отмечается в южно- и восточноаукштайтских диалектах [Zinkevičius 1966: 359].

⁷ Помимо сильных и слабых морфем, присутствующих, видимо, во всех языках со свободным ударением, в литовском языке есть также специфическая категория аттрактивных морфем (как указывает П. Гард, термин введён А. Гирдянисом [1985: 64; Гард 1968/2015: 178]. Аттрактивные морфемы возникли в результате действия закона, который Ф. де Соссюр сформулировал так: «В некоторую эпоху, предшествующую распадению на диалекты (которая во всем остальном не определена), ударение „регулярно переносилось на последующий слог, когда оно падало на слог с циркумфлексной (*geschliffen*⁷) интонацией, непосредственно после которого находился слог с акутовой (*gestossen*) интонацией“. Таким образом, **laĩkyti* (*aĩ + ý*) превращалось в *laikýti*, тогда как, например, *ráizyti* (*ái + ý*) не изменило места ударения» [Соссюр 1896/1977: 620]. В современном литовском аттрактивными является сравнительно небольшое количество морфем; в работе они обозначаются полужирным начертанием. Аттрактивными могут быть как сильные, так и слабые морфемы, напр.: *rank-Á* (2) ‘рука’, *rank-á* ‘рука (Ins.Sg)’. В склонении существительных и прилагательных аттрактивными являются показатели Noms.Sg *-A* и *-I*, односложные показатели Ins.Sg, а также Acc.Pl [DLKG 2006: 51]. В спряжении глаголов — окончания 1 и 2 лица единственного числа (общие для настоящего, будущего, прошедшего и прошедшего многократного времён), а также формы 1 лица Sg. сослагательного наклонения.

Нарушение контурного правила встречается и в одном из типов словосложения (третий по нумерации В. А. Дыбо): *Á-bna* ‘лес’ + *A-Ḳ°TḲ* ‘кураца’ → *A-bna-Ḳ°TḲ* ‘куропатка’ [Дыбо 2000: 671] — здесь ударение наоборот должно было бы быть на первом слоге, но слабая морфема *-bna-* будто бы игнорируется. Видимо, возможно два равноправных описания такой ситуации: 1) произошла «ассимиляция по силе»: морфема *-bna-* стала сильной под влиянием других морфем (или это процесс, сопровождающий данный тип словообразования?); 2) два корня образовали морфемный кластер без внутренней структуры и с общим свойством акцентной силы. В пользу последнего варианта описания говорит то, что большинство исконных слов III акцентного типа в абхазском — словосложения, претерпевшие деэтимологизацию. Можно сравнить это с повлиявшей на постановку ударения деэтимологизацией в литовском на примере А. В. Андронova *rop-uon-ĪS* (4) ‘ползун’ [Андронов 1999: 7]. Принадлежность к четвёртой АП демонстрирует то, что основа этого слова слабая, поэтому в косвенных падежах, показатель которых тоже является слабым, ударение по контурному правилу должно попадать на первый слог, напр., ACC.SG [#]*rõp-uon-i*. Однако на самом деле слово используется в виде *rop-úon-i*, что даёт основание А. В. Андронову предположить исчезновение морфемной границы между корнем и суффиксом в данном примере, сращение этих морфем в единый кластер «с определённым потенциально ударным слогом». Такой «потенциально ударный слог» приходится определять и для некоторых других литовских слов, корень которых дву- или многосложен и не имеет внутренней структуры, напр.: *PYRĀG-as* (2) ‘пирог’ — *PYRAG-ù* (INS.SG), *pasyv-ÛS* (4) ‘пассивный’ — *pasỹv-ц* (ACC.SG), *ketviř-t-as* (4) ‘четвёртый’ — *ketvir-t-Ā* ‘четвёртая’⁸ [Андронов 1999: 6–7].

⁸ В данных примерах потенциально ударный слог обозначен нижним подчёркиванием.

2. Литовская школа морфологической акцентологии

1) Модель П. Гарда для описания литовской акцентологии в изложении А. Гирдяниса [1985]

Непосредственным предшественником Б. Стунджи, автора обсуждаемой в данной работе акцентологической концепции, был А. Гирдянис. В 1971 году он перевёл на литовский язык раздел из книги П. Гарда, этому языку посвящённый [Girdenis 1971], а в 1985 году применил подход учёного в лаконичном, но содержательном подразделе «Акцентуация» раздела «Фонология и морфонология» [Гирдянис 1985: 61–68] академической «Грамматики литовского языка» — таким образом теория П. Гарда появилась в трудах по литуанистике. В. Ринкявичюс отмечает, что здесь, также как и в более поздних работах Б. Стунджи, концепция П. Гарда представлена в «несколько модифицированном» виде [Rinkevičius 2010: 11]. В подразделе отмечается, что место ударения в литовском «определяется не фонетическими особенностями слогов или их расстоянием от внешних стыков, а акцентологическими свойствами морфем, составляющих словоформу, — их относительной акцентологической ценностью. Кроме того, некоторое влияние на акцентуационный облик словоформ в известных случаях оказывают количество и слоговая интонация морфем. Однако это влияние опосредовано морфологическими факторами» [Гирдянис 1985: 61]. Понятие «относительной акцентологической ценности» здесь явно родственно «акцентной силе» у П. Гарда; Б. Стунджа предполагает, что источником понятия А. Гирдяниса служит относительность акцентной силы у П. Гарда: морфемы могут быть более и менее сильные и слабые [Stundžia 2013b: 359]. Стоит здесь отметить различие между первым изданием «Ударения» П. Гарда [Garde 1968] и авторизованным переводом [Гард 1968/2015]: в первом случае морфемы описываются действительно как *более* сильные и *более* слабые (*plus forts, plus faibles*) [Garde 1968: 165], во втором

же используются термины «сильная» и «слабая морфема» без дополнительных градаций [Гард 1968/2015: 179]. Различие это, с одной стороны, лишь терминологическое, поскольку П. Гард в первом издании в описании литовского языка не использует дополнительных различий между морфемами (нет более сильных и «просто» сильных морфем, есть только более сильные) [Garde 1968: 165]. С другой стороны, для русского языка степени силы морфем в издании 1968 года П. Гард выделяет — напр., для слова *вытрезвитель* их четыре: *вы₃-трезв₁-и₂-тель₄* [Garde 1968: 130]. В издании [Гард 1968/2015] такой подход уже не используется; начиная с [Garde 1980: 120] на смену степеням силы приходит категория доминантных морфем.

А. Гирдянис, впрочем, описывает основы и флексии, выделяя лишь две степени силы (её наличие и отсутствие).

Следующим отличием от теории П. Гарда является то, что понятие доминантности морфем не вводится, но вместо этого описываются два типа именных суффиксов «по влиянию, оказываемому на производящие основы»: усиливающие («переводящие слабые основы в ранг сильных», примеры см. ниже) и ослабляющие («переводящие сильные основы в ранг слабых»), напр.: *ámžius* ‘век’ (1) → *ámžinas* ‘вечный’ (3а), *stirna* ‘косуля’ (1) → *stirnenà* (3а) ‘шкура косули’ [там же: 66]. Это отличие сохранилось затем и в трудах Б. Стунджи: П. Гард при определении акцентной силы и акцентной доминантности рассуждает о взаимодействии и влиянии друг на друга морфем и наличии или отсутствии признака свойства доминантности, в то время как А. Гирдянис и Б. Стунджа исследуют влияние аффиксов на силу основ. Ср. у П. Гарда: «Акцентная сила — это способность морфемы притягивать ударение на место, определяемое по отношению к ней»; «Акцентная доминантность — это способность морфемы реализовывать свои акцентные свойства, как если бы она была единственной в слове, вне зависимости от свойств других морфем» [Гард 1968/2015: 126; 129].

Представляется, что именно с работы А. Гирдяниса [1985] начинается размежевание теорий П. Гарда и литовской акцентологической школы.

В своём описании усиливающие суффиксы А. Гирдянис дополнительно подразделяет на:

1) сильные («всегда перетягивают ударение на себя»), напр.: *úoga* (1) ‘ягода’ → *uogiēnė* (2) ‘варенье’, *vaikas* ‘ребёнок’ (4) → *vaikėlis* (2) ‘ребёночек’;

2) слабые («перед которыми ударение получает или сохраняет производящая основа»), напр.: *vúras* (1) ‘мужчина’ → *vúriškas* (1) ‘мужской, мужественный’, *vaikas* ‘ребёнок’ (4) → *vaikiškas* (1) ‘детский’;

3) нейтральные («перетягивают на себя ударение со слабых производящих основ, но оставляют его на сильных основах»), напр.: *šakà* (4) ‘ветвь; отрасль’ → *šakinis* (2) ‘отраслевой’, но *úoga* (1) ‘ягода’ → *úoginis* (1) ‘ягодный’.

Можно заметить, что описания свойств морфем у А. Гирдяниса и П. Гарда не только различаются, но и противоречат друг другу, поскольку учёные подходят к ним с разных сторон: А. Гирдянис — с точки зрения того, как аффикс влияет на основу слова, П. Гард — с точки зрения того, в каком отношении морфемы находятся между собой (в случае сильных и слабых морфем) и с точки зрения того, обладает ли конкретная морфема свойством доминантности. Если «усиливающим сильным» у А. Гирдяниса соответствуют доминантные автоакцентные морфемы (притягивающие ударение на себя) у П. Гарда [1968/2015: 127], то «усиливающим слабым» — доминантные преакцентные. В свою очередь, «нейтральным» морфемам у А. Гирдяниса соответствуют сильные (автоакцентные) морфемы у П. Гарда, поскольку они перетягивают ударение только со слабых морфем, не проявляя при этом доминантности. Ослабляющим же морфемам А. Гирдяниса соответствуют доминантные слабые у П. Гарда.

Изложенное можно представить в виде таблицы:

Суффикс	[Гирдянис 1985]	[Гард 1968/2015]
-ėn-, -ėl-	усиливающий сильный	доминантный автоакцентный
-išk-	усиливающий слабый	доминантный преакцентный
-in(is)	усиливающий нейтральный	сильный автоакцентный
-in(as), -en-	ослабляющий	доминантный слабый

В дальнейших исследованиях литовской акцентологии [Stundžia 1995; Pakerys 2008; Stundžia 2014] её описание всё более отдаляется от модели П. Гарда (подробнее см. раздел II.2.2)–II.2.3)).

2) Описание литовской акцентологии у Б. Стунджи [Stundžia 1995]

Акцентологии литовского языка посвящена докторская диссертация Б. Стунджи [Stundžia 1995] (на основе которой подготовлен также учебник [Stundžia 2014]). В своём описании автор следует за П. Гардом, однако можно заметить, что во многих случаях построения Б. Стунджи отступают от модели, предложенной П. Гардом.

На первых страницах своей работы автор, следуя за П. Гардом, вводит три понятия — три акцентных свойства морфем: это доминантность, акцентная сила и место акцентуации⁹. Указывается, что первые два свойства не зависят друг от друга, поэтому каждая морфема должна быть охарактеризована по ним обоим как доминантная или недоминантная, «ударная»¹⁰ или «неударная» (= сильная или слабая). Третье же свойство

⁹ Дословно у Б. Стунджи — *kirčio vieta* ‘место ударения’, однако у П. Гарда этому соответствует понятие *la place de l’accentuation* ([Stundžia 1995: 4] со ссылкой на [Garde 1980: 120]). Тот же термин в [Гард 1968/2015: 127–129] переведён как «место акцентуации».

¹⁰ Б. Стунджа рассуждает о том, что использовать по-литовски термины «ударная морфема» и «ударный морф» (лит. «kirčiouta morfema» и «kirčiuotas morfas») здесь не удобно, поскольку при их употреблении мысль в первую очередь возникает о месте

присуще только «ударным» морфемам, которые могут быть: авто-, пре- и постакцентными [Stundžia 1995: 4–5].

Рассмотрим характеристику акцентных средств по порядку. В разделах II.2.2)а–II.2.2)б кратко излагаются основные положения теории Б. Стунджи, касающиеся каждого из трёх акцентных средств, затем к ним даётся комментарий.

а) Акцентная сила

Акцентную силу Б. Стунджа определяет как «свойство морфем получать и сохранять в парадигме ударение или влиять на то, чтобы ударение сохранялось» [Stundžia 1995: 5]. Сильная морфема — та, что имеет такое свойство, слабая — та, что не имеет. Сильными морфемами являются корни имён (1) и (2) АП, слабыми — (3) и (4). Силу основ в именных частях речи удобно устанавливать по форме датива или генитива множественного числа — сильные основы в них получают ударение, а слабые нет, напр.: *KÓJ-OMS* (1) ‘ногам’, но *galv-ÓMS* (3), *KÓJ-U* ‘ног’, но *galv-Ū* ‘голов’. В окончаниях первичных имён акцентная сила определяется через связь с ударением: морфемы, которые потенциально могут быть ударными, — это сильные морфемы (напр., окончания Gen.Sg *-ŌS*, *-ĒS*), не получающие ударения никогда — слабые (напр., окончания Acc.Sg *-a*, *-e*, *-i*, *-u*). «Свойство акцентной силы характерно для морфем слов, имеющих парадигму» [Stundžia 1995: 5–6].

Комментарий. Представляется, что определение акцентной силы, которое даёт Б. Стунджа, не совсем прозрачно. Из первой его части («свойство морфем получать и сохранять в парадигме ударение») можно

ударения, то есть отдельно, в классификации автора, акцентном свойстве. Здесь же речь идёт об акцентной силе [Stundžia 1995: 5]. Замечание более чем справедливо и для русского языка, поэтому в изложении теории Б. Стунджи «ударный» и «безударный» употребляется в кавычках.

сделать вывод, что сильная морфема всегда ударна (в тексте Б. Стунджи далее раскрывается, что это не обязательно так); вторая часть определения довольно туманна: что значит «свойство <...> влиять на то, чтобы ударение сохранялось»? Чем это отличается от сохранения ударения в парадигме?

Обратимся к определению понятия у П. Гарда: «Акцентная сила — это способность морфемы притягивать ударение на место, определяемое по отношению к ней» [Гард 1968/2015: 126]¹¹. Соответственно, морфемы, обладающие такой способностью — сильные, не обладающие — слабые. Определение П. Гарда представляется более однозначным поскольку не содержит указания на то, что ударение получает именно конкретная морфема. Сильные морфемы могут притягивать ударение на слог до или после себя (см. подробнее ниже, в подразделе «Место акцентуации»), то есть ключевой является способность морфемы влиять на акцентный контур слова, а не получать ударение само по себе.

В изложении Б. Стунджи остаётся невыраженной эксплицитно, хотя и легко выводимой из сказанного, процедура определения акцентной силы — автор лишь отмечает, основы каких парадигм являются сильными и слабыми, приводит примеры сильных и слабых окончаний и падежных форм, в которых сила и слабость морфем наглядна. Неудобным выглядит различие в

¹¹ Может возникнуть вопрос, насколько корректно обращаться к работе [Гард 1968/2015] в контексте комментариев к монографии [Stundžia 1995]. Как известно, теория П. Гарда выглядела по-разному в различных по времени трудах автора (см. об этом, напр., [Васильева 2011: 10–11]), и Б. Стунджа называет среди своих источников не только работу 1968 года [Stundžia 1995: 3]. В рассматриваемом разделе об акцентной силе автор отмечает, что следует за П. Гардом, однако не указывает, за какой версией его теории конкретно [там же: 5]. Поскольку в работе [Garde 1980: 120] понятия акцентной силы уже нет, а есть «акцентуация» (*l'accentuation*), представляется, что обращаться к авторизованному переводу [Гард 1968/2015], имеющему отличия от оригинала 1968 года, всё же уместно, поскольку понятие акцентной силы оно снова содержит (хотя эти понятия и очень близки).

правиле определения акцентной силы основ и окончаний непроеводных имён. В диагностических падежных формах (Dat.Pl, Gen.Pl) «сильные основы бывают ударны, слабые — ударения не получают». Для окончаний правило выглядит иначе: «окончание, которое *может* быть ударным, нужно считать сильным <...>, никогда не получающее ударения — слабым» [там же: 5]. Представляется, что рассуждение Б. Стунджа о возможных комбинациях сильных и слабых морфем и выведенное из них контурное правило, изложенное автором в разделе «Место акцентуации» [Stundžia 1995: 6–7], было бы уместнее в данном разделе, посвящённом акцентной силе, поскольку они устанавливают однозначную процедуру определения акцентной силы морфем, применимую не только к непроеводным именам.

Б. Стунджа утверждает, что «свойство акцентной силы характерно для морфем слов, имеющих парадигму» [там же: 6], но не совсем ясно, почему автор не учитывает здесь наречия, несмотря на то, что в соответствующем разделе ниже у него сказано, что акцентуация наречий «чаще всего зависит от акцентной силы производящей основы» — напр., причастия от сильных основ сохраняют их ударение: *abej-ĪNG-as* (1) ‘равнодушный’ → *abej-ĪNG-AI* ‘равнодушно’ [там же: 150]; кроме того, отмечается что морфемам наречий бывает свойственна доминантность [там же: 11]. Ср. примеры с недоминантным суффиксом *-(i)ai* и различной акцентуацией: *laim-ĪNG-as* (1) ‘счастливый’ → *laim-ĪNG-AI* ‘счастливо’, но *áukšt-as* (3) ‘высокий’ → *aukšt-AĪ* ‘высоко’; с доминантным суффиксом *-yn-*: *áukšt-as* (3) ‘высокий’ → *aukšt-ŸN* ‘вверх’, *iš-kilm-ĪNG-as* (1) ‘торжественный’ → *iš-kilm-ing-ŸN* ‘всё более торжественно’ [там же].

б) Место акцентуации

По данной характеристике Б. Стунджа предлагает делить морфемы на «ударные» и «безударные». «Безударные» морфемы при этом могут находиться на разных местах по отношению к «ударным» — быть пре- и постакцентными. Сильные основы именных частей речи — «ударные» во

всей парадигме. У слабых основ есть разные по признаку «место ударения» морфы: «безударные» преакцентные и «ударные». Напр., *galv-* в форме NOM.SG *galv-À* ‘голова’ (3) — «безударный» преакцентный морф, а *gálv-* в форме NOM.PL *gálv-os* — «ударный» морф [там же: 6]. Согласно Б. Стундже, характеристики акцентной силы и места акцентуации достаточно для описания производных имён. Автор анализирует возможное соотношение разных основ и окончаний в слове, которых оказывается всего четыре: 1. сильная основа и сильное окончание (ударение на основе); 2. сильная основа и слабое окончание (ударение на основе); 3. слабая основа и сильное окончание (ударение на окончании); 4. слабая основа и слабое окончание (ударение на основе). На основании этого формулируется «основное правило акцентуации» (= контурное правило): ударение получает первая сильная морфема, если все морфемы слова сильные или если в слове также есть слабые морфемы, и первая слабая морфема, если слово состоит только из таких [там же: 6–7]. Из чего выводится закономерность: «Ударение в первую очередь получает сильная основа, если её нет — сильное окончание, а если нет их обоих — слабая основа» [там же: 7]. Отмечается, что морфемы производных глаголов отличаются по акцентным свойствам от морфем производных имён: в них «оппозиция морфемной силы и ударения нейтрализована: основы функционируют как сильные „ударные“ морфемы, окончания — слабые „безударные“» (за исключением перехода ударения по закону де Соссюра) [там же]. Также говорится об акцентных свойствах некоторых финалей и инициалей в литовском, некоторые из которых внешне (и, видимо, исторически) совпадают с суффиксами и приставками, но не выделяются как самостоятельные морфемы в синхронии [там же: 7–8].

Комментарий. Представляется, что необходимость выделения «ударных» и «безударных» морфем обоснована Б. Стунджей недостаточно. Несёт ли морфема на себе ударение, определяется из её окружения в каждом конкретном слове, при этом сильная морфема может оказаться безударной, слабая — ударной. Таким образом, «ударность» и «безударность» — не

постоянные, а ситуативные свойства морфем, и вводить их различие в общую классификацию не имеет смысла, поскольку окажется, что дать однозначную оценку «ударности» и «безударности», например, в акцентологическом словаре морфем, невозможно. То же касается и разделения «безударных» морфем на авто-, пре- и постакцентные [Stundžia 1995: 5] — то, до или после ударения окажется морфема в том или ином слове, определяется постфактум, характеристики «преакцентность» и «постакцентность» не обладают, таким образом, предсказательной силой. Возникает вопрос, нужны ли вообще эти категории для описания литовского языка? Б. Стунджа приводит примеры [Stundžia 1995: 5], с характеристикой которых сложно согласиться:

- автоакцентная морфема:
суффикс *-ing-* (*laim-ingas, pakeleiv-ingas*).

Если характеристика данного суффикса содержит только указание на его автоакцентность, оказывается, что примеры с ним, образованные от слов с сильной основой, нарушают контурное правило: *LÁIM-Ė* (1) ‘счастье’ → *LAIM-ÌNG-as* (1) ‘счастливый’, хотя должно быть *#LÁIM-ING-as*. Характеристика суффикса должна указывать не только и не столько на то, что он ударен, но на то, что его присоединение подавляет акцентные свойства других морфем, то есть обладает свойством акцентной доминантности, о которой Б. Стунджа пишет в соответствующем разделе.

- Преакцентная морфема:
суффикс *-išk-* (*dañg-iškas, savanõr-iškas*).

Как и в предыдущем примере, указания на преакцентность суффикса недостаточно, чтобы предсказать акцентуацию слова, образованного с его помощью. Преакцентность не объясняет, как производное от слова (4) АП приобретает (1) АП, ср.: *dang-ÛS* (4) ‘небо’ → *DAÑG-išk-as* (1) ‘небесный’. Характеристика этого суффикса должна содержать в себе информацию о том, что его присоединение усиливает корень (также акцентная доминантность).

- Постапцентная морфема:
приставка *be-* (*be-spaļvis*, *be-smegēnis*).

Здесь также постапцентность морфемы не объясняет изменений в производном слове, ср.: *spalv-A* (4) ‘цвет’ → *be-SPĀLV-IS* (2) ‘бесцветный’.

smēgen-ys (3b) ‘мозг’ →⁺ *be-SMEGĒN-IS* (2) ‘безмозглый’.

Итак, для описания по крайней мере этих примеров понятия авто-, пре- и постапцентности не являются необходимыми. Напротив, нужна для их описания информация о влиянии на производящую основу.

Формулировка контурного правила, как уже было сказано, была бы уместна при рассуждении об апцентной силе.

с) Апцентная доминантность

В начале раздела, посвящённого апцентной доминантности, Б. Стунджа отмечает, что апцентуация производных слов / форм слов зависит от апцентуации производящего: апцентных свойств его основы, словообразовательных формантов или формообразовательных суффиксов [Stundžia 1995: 8]. Контурное правило, введённое выше, подходит и для производных слов, ср.: (*JŪR-A* (1) ‘морьяк’ →) *JŪR-ININK-as* (1) ‘морьяк’, но (*dārb-as* (3) ‘работа’ →) *darb-INIŅK-as* (2) ‘рабочий; работник’; приводятся также примеры на суффикс *-toj-*. Однако производных, апцентуация которых определялась бы по апцентным свойствам основы производящего, на самом деле не очень много, и их количество уменьшается, по словам Б. Стунджи [там же]; «место ударения большей части производных мы не сможем объяснить, опираясь только на соотношения апцентной силы морфем» [там же]. Во многих случаях апцентные свойства основы производящего слова не имеют значения, напр., в производных с суффиксом *-un-*, ср.¹²: *lierūnas* (1)

¹² В отличие от предыдущих, эти примеры приводятся такими же, как в источнике, без модификаций (разбивки на морфемы, обозначения сильных морфем), поскольку апцентные свойства в них трактуются различно Б. Стунджей и автором данной работы

‘липняк’ (от *LĪEP-A* (1) ‘липа’), *alksnýnas* (1) ‘ольшаник’ (от *AĻKSN-IS* (2) ‘ольха’), *beržýnas* (1) ‘березняк’ (от *bérž-as* (3) ‘берёза’), *pišýnas* (1) ‘сосняк’ (от *piš-īs* (4) ‘сосна’) — место ударения во всех производных одинаково, хотя корни производящих различны по акцентной силе. На основании этого Б. Стунджа приходит к выводу, что суффикс *-up-* обладает свойством, «дающим возможность не обращать внимания на акцентную силу и место акцентуации производящей основы и определять акцентуацию производного», и свойство это вслед за П. Гардом автор называет акцентной доминантностью [там же: 9]. Она «обычно показывает, как аффиксы воздействуют на акцентную силу производящей основы и соотношение морфем производного с ударением, то есть на первые два акцентных свойства» [там же]. Доминантные аффиксы по своему воздействию на производные основы делятся на усиливающие и ослабляющие. Усиливающие морфемы «усиливают или сохраняют сильной основу производящего» [там же: 9], ослабляющие — её, напротив, «ослабляют или сохраняют слабой» [там же: 10]. Б. Стунджа продолжает делить морфемы на «ударные» и «безударные» — напр., говорит о том, что усиливающие морфемы могут быть и теми, и другими. Автор считает, что «безударные аффиксы также можно делить на предударные и заударные». Напр., суффикс *-išk-* предлагается считать «доминантным усиливающим послеударным», приставку *be-* — «доминантной усиливающей предударной» [там же: 9]. Примеры: *tévas* (3) ‘отец’, *vaīkas* (4) ‘ребёнок’ (слабые основы) и *tév-išk-as* (1) ‘отцовский’, *vaīk-išk-as* (1) ‘детский’, *betēvis* (2) ‘не имеющий отца’, *bevaīkis* (2) ‘бездетный’ (сильные основы) [там же].

Б. Стунджа приходит к выводу, что в слове может быть более одной доминантной морфемы на основе однокоренных примеров с различной акцентуацией: *iškalba* (1) ‘оговор’ и *apkalbà* (3b) ‘красноречие’, *prīeauglis* (1) ‘молодняк, приплод’ и *raauglīs* (3b) ‘подросток’ [там же: 10], однако не

(соответственно, должна различаться и запись).

поясняет, какие морфемы он предлагает считать доминантными и как они должны взаимодействовать.

Согласно Б. Стундже, «встречаются аффиксы, которые следует считать промежуточными между доминантными и недоминантными» [там же] — напр., «суффикс *-inis*, *-é* усиливает или сохраняет сильной производящую основу, следовательно, ведёт себя как доминантный усиливающий, однако то, какая морфема производного получает ударение, обычно зависит не от суффикса, а от акцентных свойств производящей основы: сильные основы ударение склонны сохранять, а слабые — отдавать суффиксу», ср. от сильных основ: *júra* (1) ‘море’ → *júrinis* (1) ‘морской’, *pasáulis* (1) ‘мир’ → *pasáulinis* (1) ‘мировой’, *šveñtė* (2) ‘праздник’ → *šveñtinis* (1) ‘праздничный’; от слабых основ: *dárbas* (3) ‘работа’ → *darbìnis* (2) ‘рабочий’, *laũkas* (4) ‘поле’ → *laukìnis* (2) ‘полевой’, *paskaità* (3b) ‘лекция’ → *paskaitìnis* (2) ‘лекционный’. Автор приходит к выводу, что этот суффикс усиливает основу производного слова, но не влияет на место ударения [там же: 10].

Комментируются отдельные морфемы существительных, наречий, а также формообразовательные форманты: суффикс превосходной степени прилагательных *-iaus-* трактуется как доминантный усиливающий ударный, суффикс сравнительной степени *-esn-* — доминантный ослабляющий [там же: 11].

Комментарий.

1) Примеры Б. Стунджи на суффикс *-toj-* плохо иллюстрируют тезис о применимости контурного правила. Все приведённые глаголы — суффиксальные, основы таких глаголов всегда сильные (см. [Andronov 1996]) из-за чего определить акцентную силу суффикса *-toj-* в производных от них невозможно, ср.: *GÝD-Y-ti* ‘лечить’ → *GÝD-Y-TOJ-as* (1) ‘врач’; *PĀSAK-O-ti* ‘рассказывать’ → *PĀSAK-O-TOJ-as* (1) ‘рассказчик’; *vaid-ĪN-ti* ‘играть, исполнять роль’ → *vaid-ĪN-TOJ-as* (1) ‘участник представления’. Для наглядности стоило бы привести пример первичного глагола, напр., *ár-ti* ‘пахать’ → *ar-TÓJ-as* (1) ‘пахарь’.

2) Как уже обсуждалось в предыдущих подразделах, свойство «место акцентуации» не релевантно для описания литовской акцентологии; доминантность морфем действительно влияет на место ударения, однако от этого место акцентуации не становится самостоятельным акцентным свойством. Так же не несёт практической ценности разделение морфем на «ударные» и «безударные», а последние — на «предударные» и «послеударные», поскольку это описание не имеет предсказательной силы.

3) Вывод о возможном наличии в слове двух доминантных морфем не кажется достаточно обоснованным — вызывающие сомнения примеры можно расписать по введённым уже правилам: *Īš-kalb-A* (1) ‘оговор’, *ap-kalb-Ā* (3b) ‘красноречие’; *PRĪE-aug-l-IS* (1) ‘молодняк, приплод’, *pa-aug-l-ŪS* (3b) ‘подросток’¹³. В действительности несколько доминантных морфем в слове быть может — П. Гард описывает такую ситуацию для русского языка, оговаривая, что она очень редка и встречается только в романских заимствованиях, напр., *аспира́нт*, *аспиранту́ра* (интересно, что в этих заимствованиях «главной» оказывается последняя, а не первая, как было бы по контурному правилу, доминантная морфема; П. Гард объясняет это тем, что «принцип романской акцентуации был заимствован вместе с самими морфемами») [Гард 1968/2015: 131].

Видимо, с точки зрения подхода Б. Стунджи требующей объяснения представляется ситуация, когда акцентуация производных различна несмотря на одинаковую словообразовательную модель и акцентные свойства производящего, ср.: *ap-kalb-é-ti* ‘оговорить’, *iš-kalb-é-ti* ‘высказать’. В таком случае различие в акцентуации производных, по-видимому, объясняется через приставки, которые не участвовали в последнем словообразовательном акте (т. к. уже были у глаголов). При этом приставку в примере *ap-kalb-Ā* (3b) ‘красноречие’ нельзя считать сильной, поскольку она отдаёт ударение на сильное окончание. Поэтому, очевидно, в рамках теории Б. Стунджи

¹³ Суффикс *-l-* Б. Стунджа считает доминантным ослабляющим [Stundžia 1995: 80].

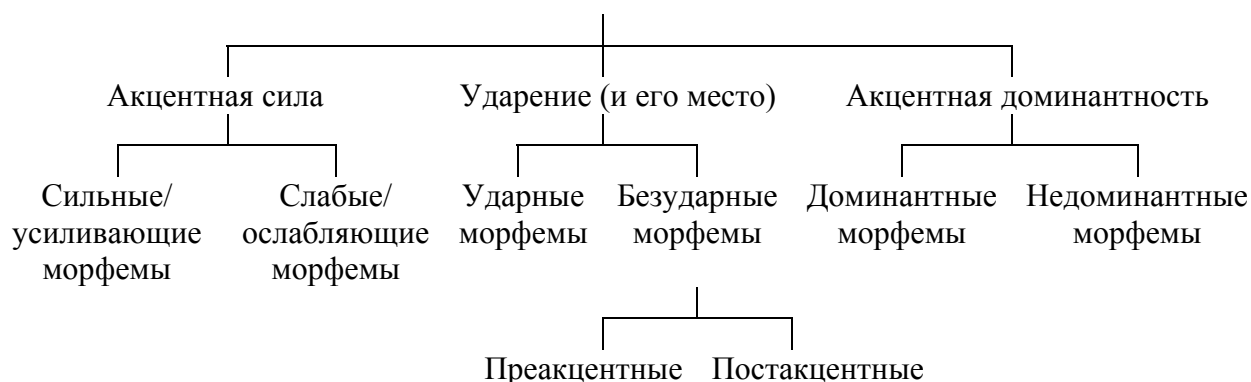
предполагается считать её доминантной ослабляющей (поскольку в слове, её содержащем, слабая основа). Другой доминантной морфемой, по-видимому, предлагается считать окончание, поскольку в отсутствие доминантных приставок производные с ними имеют одинаковое ударение.

4) Недостаточно убедительным кажется и рассуждение о том, что «встречаются аффиксы, которые следует считать промежуточными между доминантными и недоминантными» [Stundžia 1995: 10]. Во-первых, «промежуточность» делает шаткой любую классификацию. Во-вторых, приводимый в пример суффикс *-in-* не кажется в каком-либо смысле промежуточным, примеры с ним можно расписать так: *JŪR-a* (1) ‘море’ → *JŪR-IN-IS* (1) ‘морской’, *PASÁUL-IS* (1) ‘мир’ → *PASÁUL-IN-IS* (1) ‘мировой’, *ŠVEŅT-Ē* (2) ‘праздник’ → *ŠVEŅT-IN-IS* (1) ‘праздничный’; от слабых основ: *dárb-as* (3) ‘работа’ → *darb-ĪN-IS* (2) ‘рабочий’, *laiķ-as* (4) ‘поле’ → *lauk-ĪN-IS* (2) ‘полевой’, *pa-skait-Ā* (3b) ‘лекция’ → *pa-skait-ĪN-IS* (2) ‘лекционный’. Таким образом, видно, что суффикс является сильным и ведёт себя соответствующе: не получает ударения, если перед ним есть сильная морфема, и получает, если является первой сильной морфемой в слове. Интересно, что акцентные свойства суффикса *-in-* не отличаются от свойств суффикса *-inink-*, однако Б. Стунджа классифицирует их по-разному: последний описывает как сильный, не выделяя в нём никакой «промежуточности» [там же: 8]. Однако в основном тексте работы, где разбираются свойства конкретных морфем, *-in-* и *-inink-* оказываются в одном разделе «Аффиксы двоякого акцентного статуса» [там же: 73–77]. Показательно раскрытие понятия двоякости при обсуждении суффикса *-in-*: «Как видно из приведённых примеров, на место акцентуации производного суффикс влияния не оказывает, то есть функционирует как недоминантный аффикс: ударение по основному правилу акцентуации получает первая морфема равной или большей акцентной силы. С другой стороны, основа производящего во всех случаях усиливается или сохраняется сильной, следовательно, суффикс ведёт себя и как доминантный

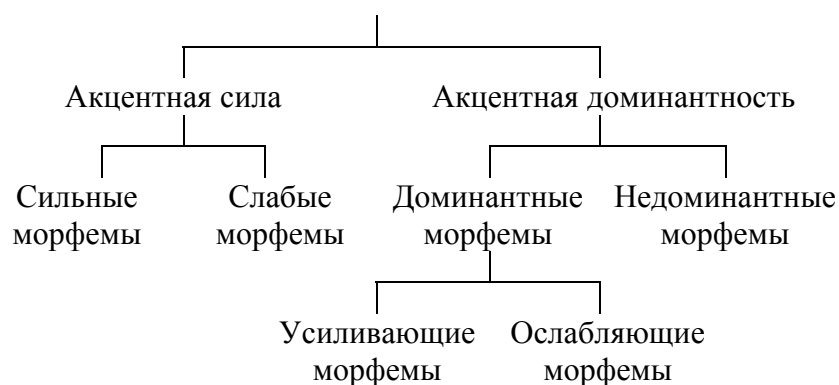
усиливающий аффикс» [там же: 74]. Однако, как видно из примеров выше (в указанном фрагменте приводятся те же и аналогичные примеры), суффикс не меняет акцентной силы основы и получает ударение исключительно по контурному правилу как сильная морфема. Представляется, что, если следовать за П. Гардом [1968/2015], такой суффикс не следует понимать как доминантный. В теории Б. Стунджи, очевидно, понятие акцентной доминантности шире и учитывает несколько факторов одновременно (место ударения, влияние на основу), что может быть удобно в некоторых случаях, но приводить к не совсем чёткому описанию в других.

d) Схема «Основные акцентные свойства морфем»

Описание акцентных средств морфем Б. Стунджи обобщает в схеме [Stundžia 1995: 11, схема 1]:

Расположение элементов в схеме кажется неясным: по описанию самого Б. Стунджи, по свойству «акцентная сила» разделяются сильные и слабые морфемы, но усиливающие и ослабляющие относятся к акцентной доминантности и не могут быть объединены в одном пункте. Поскольку свойство «ударение (и его место)» (= место акцентуации) было признано нами нерелевантным, схему можно представить в следующем виде:

Таким образом, при описании морфемы нужно определить 1) сильная она или слабая; 2) доминантная она или недоминантная; 3) если доминантная, то усиливающая или ослабляющая. Поскольку доминантные морфемы встречаются только в производных словах, для непродерванных процедура ограничивается первым пунктом.

3) Описание литовского ударения в [Stundžia 2014]

В модифицированном виде концепция Б. Стунджи представлена в его учебнике [Stundžia 2014]. Некоторые положения здесь существенно отличаются от изложенного в [Stundžia 1995]. См., напр., такое утверждение: «Место ударения производных слов обычно зависит от акцентного свойства аффиксов (чаще всего — словообразовательных формантов), оказывающего влияние на акцентную ценность основы производящего и/или место ударения. Эту особенность можно назвать акцентной силой, или акцентной доминантностью» [Stundžia 2014: 42–43]. В диссертации автора, как и у П. Гарда, акцентная сила и акцентная доминантность — разные, отдельные свойства морфем (см. подробнее выше, в разделе П.2.2)а, П.2.2)с). Ср. также различную трактовку примеров:

а. суффикс *-un-*

в [Stundžia 1995: 62] — «доминантный усиливающий ударный»,

в [Stundžia 2014: 43] — «усиливающий сильный»,

б. суффикс *-išk-*

в [Stundžia 1995: 66] — «усиливающий безударный»,

в [Stundžia 2014: 43] — «усиливающий слабый» (т. е. в более позднем издании вводится дополнительное разделение усиливающих суффиксов на сильные и слабые).

Не задаваясь специально целью сопоставить работы [Stundžia 1995] и [Stundžia 2014], можно предположить, что изменения в последней произошли под влиянием статьи А. Пакарыса [Pakerys 2008], автор которой приходит к выводу, что все аффиксы именных частей речи в литовском языке являются доминантными, поскольку все они влияют на акцентуацию производных слов [Pakerys 2008: 27] (см. также утверждение о том, что «ослабляющие аффиксы могут быть не только слабыми, но и сильными» [там же: 28]). С такой точки зрения действительно стирается граница между понятиями «акцентная сила» и «акцентная доминантность», как выше у Б. Стунджи.

4) Выводы

Проанализировав теоретический подход Б. Стунджи, основанный на трудах по акцентологии П. Гарда, можно сказать, что в некоторых отношениях модели описания, разработанные этими учёными, разнятся. Представляется, что наиболее подходящей для характеристики литовского ударения является версия теории П. Гарда, изложенная в [Гард 1968/2015], а её модификации и дополнения (выделение морфем двоякого статуса, места акцентуации как отдельного акцентного свойства, пре- и постударных морфем) вносят в описание нечёткость. Нельзя при этом не оценить полноту и разносторонность собранного Б. Стунджей материала, иллюстрирующего самые разные явления из области литовской акцентологии и дающего возможность изучить её вне зависимости от принадлежности к тому или иному теоретическому подходу.

III. Предлагаемая модификация теории

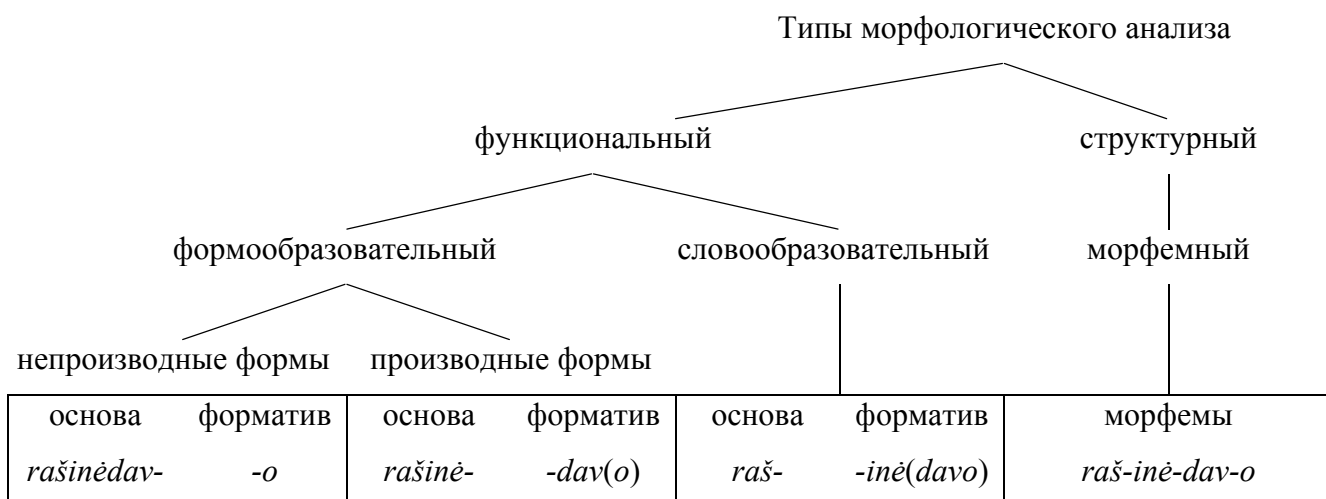
Поскольку в языках со свободным ударением его постановка зависит от акцентных свойств морфем, при составлении акцентологического описания мы сталкиваемся с проблемами не только фонологии, но и морфологии — в частности, с разницей возможного морфологического описания. Как обращает внимание С. И. Богданов, с точки зрения морфологии одна и та же словоформа описывается по-разному «в зависимости от того, является ли она объектом анализа формообразовательного, словообразовательного или морфемного» [Богданов 1997: 5]. В качестве примера приводится словоформа *разгуливали*:

1) с точки зрения формообразования её составляют «основная формообразующая основа *разгулива-* и специфический форматив *-л(и)*» или, иначе, *разгуливал-* как основа прошедшего времени и *-и* как форматив;

2) с точки зрения структурного словообразования в этой словоформе выделяются «мотивирующая база *-гул-* и словообразовательный формант *раз...ива(ли)*»;

3) с точки зрения морфемного состава её составляют морфемы *раз-гул-ива-л-и* [там же].

Для литовского языка эта схема адаптирована А. В. Андроновым ([Andronov 2007b: слайд 6]; перевод приводится в соответствии с русскоязычным источником [Андронов 2003]) предлагает ввести в это описание бинарное разделение функционального (формо- и словообразовательного) и структурного анализа и иллюстрирует его литовским примером *rašinėdavo* ‘писать (Iter.3)’:

При структурном анализе слово рассматривается как последовательность морфем, при функциональном — как «бинарное единство формо-/словообразовательной основы и формо-/словообразовательного формата» [Andronov 2007a]. Таким образом, выявляется два аспекта рассмотрения слова: 1) статический (= структурный): слово рассматривается как последовательность морфем, каждая из которых имеет некоторые акцентные характеристики, влияющие на место ударения; 2) динамический (= функциональный): производная форма/слово рассматривается по отношению к исходной форме / производящему слову; оказывается необходимым понятие акцентной доминантности, т. е. «способности одних морфем влиять на акцентные характеристики других»; рассматриваются не собственно морфемы, а формо- и словообразовательные модели [Андронов 1999: 6; Andronov 2007a].

Почему стоит ввести два аспекта рассмотрения словоформы в литовском языке, тем самым, казалось бы, усложнив эту процедуру? При описании некоторых случаев кажется, что вполне достаточно традиционного метода, напр.: *VÝR-as* (1) ‘мужчина’ — корень сильный, окончание слабое; *vyr-ÛK-as* (2) ‘мужчина (Dim)’ — корень слабый, суффикс сильный доминантный ослабляющий, окончание слабое. Однако словообразовательные модели в литовском языке не ограничены лишь аффиксальными. Может меняться тип склонения, ср.: *stāl-as* (4) ‘стол’ → *STĀLI-US* (2) ‘столяр’; смена

может сопровождаться изменением места ударения внутри корня и/или типа интонации: *kùbil-as* (3b) ‘чан’ → *KUBÌLI-us* (2) ‘бондарь’, *PÚOD-as* (1) ‘горшок’ → *PUŌDŽI-US* (2) ‘гончар’ (примеры Б. Стундžia [Stundžia 1995: 15]). Б. Стундžia называет в данном случае доминантным усиливающим окончание *-us* (в записи автора *-ius*), однако не ясно, предлагается ли его считать омонимичным «обычному» окончанию *-us* в непроезженных словах типа *ĀKTORI-US* (1) ‘актёр’, таких свойств не проявляющему. Интересно, что морфема не включена в указатель [там же: 213–218].

Представляется более корректным говорить здесь не о морфемах, а о формативах. Форматив, в отличие от морфемы, «зачастую не сводится к сегментному участку членимой словоформы»: в качестве форматива может выступать чередование (фонем или супрасегментных единиц), место ударения и др. единицы плана выражения [Богданов 1997: 18–19]. Таким образом, понятие форматива оказывается удобным использовать в тех случаях, когда приписать акцентную доминантность, влияющую на постановку ударения в том или ином слове, какой-либо конкретной морфеме, отличающей производное слово от производящего, невозможно или же это ведёт к дополнительным усложнениям. Доминантность, проявляющаяся в динамическом аспекте морфологического анализа, таким образом, приписывается не морфеме, а слово- или формообразовательной модели [Andronov 2007a]. А. В. Андронов аргументирует предпочтительность такого рассмотрения тем, что оно более экономно: оно «позволяет нам уменьшить количество акцентных свойств, включённых в описание акцентуации современного литературного литовского языка: морфемы классифицируются на сильные и слабые, формо-/словообразовательные модели на недоминантные и доминантные» [там же]. Примеры из [Stundžia 1995: 15], приведённые выше, можно в таком случае проанализировать так: присоединение окончания *-US* к производным является доминантной усиливающей операцией — слабые корни становятся сильными, сильные таковыми остаются; операция сопровождается сменой типа склонения на

-(i)us. Условимся, что в записи для доминантных усиливающих операций используется обозначение \rightarrow^+ , для доминантных ослабляющих \rightarrow^- (для недоминантных операций — \rightarrow). Примеры:

stāl-as (4) ‘стол’ \rightarrow^+ *STĀLI-US* (2) ‘столяр’;

kūbil-as (3b) ‘чан’ \rightarrow^+ *KUBĪLI-US* (2) ‘бондарь’

PŪOD-as (1) ‘горшок’ \rightarrow^+ *PUŌDŽI-US* (2) ‘гончар’.

Итак, предлагается следующая номенклатура понятий (ср. [Андронов 2003]):

- недоминантные — акцентные характеристики производящей основы сохраняются:

kalb-Ā (4) ‘язык’ \rightarrow *kalb-INIŅK-as, -Ē* (2) ‘лингвист’;

JŪR-A ‘море’ (1) \rightarrow *JŪR-ININK-as, -Ē* (1) ‘моряк’;

āp-kep-a ‘запекает’ \rightarrow *āp-kep-a-m-as, -Ā* (Part. praes. pass.);

ap-KĒP-in-a ‘обжаривает’ \rightarrow *ap-KĒP-in-a-m-as, -A* (Part. praes. pass.);

- доминантные — акцентные характеристики производящей основы изменяются:

— усиливающие (\rightarrow^+):

VÝR-as (1) ‘мужчина’ \rightarrow^+ *VÝR-išk-as* (1) ‘мужской’;

vaĩk-as (4) ‘ребёнок’ \rightarrow^+ *VAIĶ-išk-as* (1) ‘детский’;

stāl-as (4) ‘стол’ \rightarrow^+ *STĀLI-US* (2) ‘столяр’;

BAĻD-AI (2) ‘мебель’ \rightarrow^+ *BAĻDŽI-US* (2) ‘мебельщик’;

— ослабляющие (\rightarrow^-):

VÝR-as (1) ‘мужчина’ \rightarrow^- *vyr-ŪK-as* (2) ‘мужчина (Dim.)’;

vaĩk-as (4) ‘ребёнок’ \rightarrow^- *vaiki-ŪK-as* (2) ‘ребёнок (Dim.)’;

MĪLT-AI (1) ‘мука’ \rightarrow^- *milt-in-as, -Ā* (3a) ‘покрытый мукой’;

šiaud-AĪ (3) ‘солома’ \rightarrow^- *šiáud-in-as, -Ā* (3a) ‘покрытый соломой’.

Заключение

Закономерности постановки ударения в языках, где оно свободно, описываются исходя из общих принципов морфологической акцентологии, при этом для каждого конкретного языка могут быть введены необходимые для этого описания понятия (ср. «константы» и «переменные» ударения у П. Гарда [1968/2015]). Одна из моделей описания акцентуационной системы русского языка с точки зрения морфологической акцентологии была предложена П. Гардом в рамках его общей теории акцентологии. Ввиду большей простоты акцентуационной системы литовского языка для её описания достаточен несколько редуцированный вариант этой теории: особо разветвлённой системы понятий для его описания не требуется, поскольку литовский язык в своём историческом развитии не слишком отделился от реконструируемой «идеальной» системы парадигматического акцента, и источников возникновения современных элементов категориального акцента в нём сравнительно мало (перемещение ударения по закону Ф. де Соссюра, с одной стороны, породившее категорию аттрактивных морфем, и с другой — давшее толчок возникновению доминантных морфем вследствие аналогических процессов). В литуанистике модель П. Гарда развивалась в трудах А. Гирдяниса, Б. Стунджи, А. Пакрыса ([Girdenis 1971; Гирдянис 1985; Stundžia 1995; Pakerys 2008; Stundžia 2014], ср. также [Rinkevičius 2009; 2010]). Для литовской акцентологической школы, впрочем, характерен ряд отличий от исходной модели П. Гарда, ключевым из которых стал подход А. Гирдяниса [1985] к описанию производных: А. Гирдянис связывает их акцентуацию с влиянием, оказываемым аффиксами на производящие основы. У П. Гарда же морфемы рассматриваются или 1) во взаимодействии друг с другом (недоминантные морфемы), или 2) с точки зрения того, обладают ли они свойством акцентной доминантности (доминантные морфемы). Представляется, что литовские акцентологи оперируют понятиями,

принадлежащих разным уровням морфологического анализа (функциональному и структурному), на что указывает А. В. Андронов [2003; Andronov 2007a, b]. Целесообразно различать статический аспект (анализ отдельной словоформы для установления силы и слабости составляющих её морфем) и динамический аспект (анализ производной словоформы по отношению к производящей, определение (не)доминантности слово-/формообразовательных операций). Такой подход не только обладает чёткостью в теоретическом отношении, но и позволяет с практической точки зрения описать литовский материал, не прибегая к дополнительным категориям пре- и постакцентных морфем, а также избегая нечётких понятий «усиливающей» и «ослабляющей» морфемы.

Литература

- Андронов 1999 — Андронов А. В. Некоторые проблемы морфологической интерпретации ударения в литовском языке // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 1. Секция балтистики (2–4 марта 1999 г.). Тезисы докладов. СПб., 1999. — С. 5–7.
- Андронов 2003 — Андронов А. В. Разновидности морфологического анализа и аспекты морфологической акцентологии (на примере литовского языка) // Заседание кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ 21.05.2003. Раздаточный материал. СПб., 2003.
- Андронов 2015 — Андронов А. В. Снова о рукописи Ф. Ф. Фортунатова «Об ударении и долготе в балтийских языках» / Balto-Slavic accentology (IWoBA 11) // 12th International Congress of Baltistics. Vilnius University, 28–31 October 2015. Abstracts. — P. 72.
- Андронов 2016 — Андронов А. В. Терминологическая система П. Гарда (из опыта составления указателя к книге «Ударение», СПб., 2016) // XLV Международная филологическая научная конференция. 14–21 марта 2016 года. Тезисы докладов. СПб., 2016. — С. 259–260.
- Березин 1979 — Березин Ф. М. История русского языкознания. М., 1979.
- Богданов 1997 — Богданов С. И. Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997.
- Васильева 2011 — Васильева Г. В. Развитие метода морфологической акцентологии в трудах Поля Гарда (на примере литовского языка). Дипломная работа. Кафедра общего языкознания филологического факультета СПбГУ. СПб., 2011.
- Востоков 1831 — Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб., 1831.

- Гард 1968/2015 — Гард П. Ударение. Авториз. пер. с франц. А. В. Андропова и Г. В. Васильевой под ред. Ю. А. Клейнера и М. В. Гординой; отв. ред. Ю. А. Клейнер. СПб., 2015.
- Герценберг 1981 — Герценберг Л. Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Ленинград, 1981.
- Гирдянис 1985 — Гирдянис А. Фонология и морфонология // Амбразас В. (гл. ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Гирдянис 1995/2014 — Гирдянис А. Теоретические основы литовской фонологии. Вильнюс, 2014.
- Гордина 2006 — Гордина М. В. История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). СПб., 2006.
- Дыбо 1977 — Дыбо В. А. Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.
- Дыбо 1989 — Дыбо В. А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989. — С. 238–248.
- Дыбо 2000 — Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
- Дыбо 2005 — Дыбо В. А. Балтийская сравнительно-историческая и литовская историческая акцентологии // Дыбо В. А., Дыбо В. А., Мудрак А. О., Старостин Г. С. (ред.) Аспекты компаративистики. Выпуск 1. М., РГГУ, 2005. — С. 176–213.
- Дыбо 2011 — Дыбо В. А. Значение западнокавказской акцентной системы для изучения балто-славянской и японских акцентных систем // *Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 37, Accent Matters: Papers on Balto-Slavic accentology.* Leiden, 2011. — P. 67–84.

- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зиндер 1979 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1979.
- Касевич 1990 — Касевич В. Б. Акцентология // Ярцева В. Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. Электронная версия: <http://tapemark.narod.ru/les/024b.html>
- Касевич 2011 — Касевич В. Б. Введение в языкознание. 2-е изд. М., СПб., 2011.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001.
- Потебня 1973 — Потебня А. А. Ударение. Киев, 1973.
- Редькин 1966 — Редькин В. А. Построение раздела «Морфонология» // Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966.
- Соссюр 1894/1977 — Соссюр Ф. де. К вопросу о литовской акцентуации (Интонации и ударение в собственном смысле слова). Пер. с фр. Е. Е. Корди // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977. — С. 598–619.
- Соссюр 1896/1977 — Соссюр Ф. де. Литовская акцентуация. Пер. с фр. Е. Е. Корди // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977. — С. 620–632.
- Тронский 1962 — Тронский И. М. Древнегреческое ударение. М. — Л., 1962.
- Трубецкой 1939/2000 — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. А. А. Холодовича. 2-е издание. М., 2000.
- Федянина 2014 — Федянина Н. А. Читая Грота (Заметки акцентолога) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Том 2. М., 2014. — С. 134–143.
- Ambrazas 2006 — Ambrazas V. (ed.). Lithuanian Grammar. 2nd revised edition. Vilnius, 2006.

- Andronov 1996 — Andronov A. Priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimas morfoliginės akcentologijos požiūriu // *Baltistika*. XXX (1). Vilnius, 1995. — P. 93–100.
- Andronov 2007a — Andronov A. Static vs. dynamic aspects of morphological accentology and their correspondence to types of morphological analysis // III International Workshop on Balto-Slavic Accentology. 27–29 July 2007, Leiden. Abstracts. — P. 12.
- Andronov 2007b — Andronov A. Static vs. dynamic aspects of morphological accentology and their correspondence to types of morphological analysis. Презентация // III International Workshop on Balto-Slavic Accentology. 27–29 July 2007, Leiden.
- Bopp 1854 — Bopp F. Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Übereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen. Berlin, 1854.
- Būga 1924 — Būga K. Kirčio ir priegaidės mokslas // Būga K. Rinktiniai raštai. T. 3. Vilnius, 1961. — P. 19–84.
- DLKG 2006 — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Ambrazas V. (red.). Ketvirtoji pataisyta laida. Vilnius, 2006.
- Garde 1968 — Garde P. L'accent. Paris, 1968.
- Garde 1980 — Garde P. Grammaire russe. T. 1. Phonologie et morphologie. Paris, 1980.
- Girdenis 1971 — Girdenis A. Lietuvių kalbos kirčiavimo sistema. P. Garde'as // *Kalbotyra*, XXII(1). Vilnius, 1971. — P. 93–96.
- Kurschat 1849 — Kurschat F. Beiträge zur Kunde der litauischen Sprache. Th. 2. Laut un Tonlehre. Königsberg, 1849.
- Kurschat 1876 — Kurschat F. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.
- Kuršaitis 1849/2013 — Kuršaitis F. Lietuvių kalbos garsų ir kirčio mokslas. 1849. Vilnius, 2013.
- Kuršaitis 1876/2013 — Kuršaitis F. Lietuvių kalbos gramatika. 1876. B. Kabašinskaitė (reng.). Vilnius, 2013.

- Pakerys 2008 — Pakerys A. Dėl akcentinės lietuvių kalbos vardažodžių priesagų galios // *Baltistica*, XLIII (1). Vilnius, 2008. — P. 17–29.
- Petit 2012 — Petit D. Ferdinandas de Saussure'as ir lietuvių kalba / L. Perkauskytės vert. // Petit D., Stundžia B. (red.). F. de Saussure. Baltistikos raštai. Travaux baltistique. Vilnius, 2012. — P. 9–32.
- Rinkevičius 2009 — Rinkevičius V. Prūsų kalbos kirčiavimo sistema. Daktaro disertacija. Vilnius, 2009.
- Rinkevičius 2010 — Rinkevičius V. Kai kurie teoriniai morfologinės akcentologijos koncepcijos aspektai // *Baltistica*, XLV (1). Vilnius, 2010. — P. 9–43.
- Robinson 1976 — Robinson D. F. Lithuanian reverse dictionary. Bloomington, 1976.
- Sabaliauskas 1979 — Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija iki 1940 m. Vilnius, 1979.
- Saussure 1894/2012 — Saussure F. de. Lietuvių kalbos kirčiavimas / L. Perkauskytės vert. // Petit D., Stundžia B. (red.). F. de Saussure. Baltistikos raštai. Travaux baltistique. Vilnius, 2012. — P. 73–87.
- Strockis 2007 — Strockis M. Klasikinių kalbų kirčio žymėjimo įtaka lietuvių kirčio žymėjimui. Daktaro disertacija. Vilnius, 2007.
- Stundžia 1995 — Stundžia B. Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema. Vilnius, 1995.
- Stundžia 2013a — Stundžia B. Didysis Mažosios Lietuvos lituanistas ir jo gramatika // Kuršaitis F. Lietuvių kalbos gramatika. 1876. B. Kabašinskaitė (reng.). Vilnius, 2013. — P. 9–21.
- Stundžia 2013b — Stundžia B. [Рец. на кн.:] Paul Garde, L'accent, Deuxième édition corrigée et augmentée, Limoges: Lambert-Lucas, 2013, 169 p. // *Baltistica*, L (2). Vilnius, 2013. — P. 357–361.
- Stundžia 2014 — Stundžia B. Bendrinės lietuvių kalbos akcentologija. 2 patais. ir atnauj. leid. Vilnius, 2014.

Zinkevičius 1966 — Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius, 1966.

Zinkevičius 1980 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. I. Vilnius, 1980.